

Глава 2: Секта Отбросов (I)

Это была темная комната. В стенах не было окон или трещин, сквозь которые мог проникать свет. Если бы не светящиеся руны на полу, было бы невозможно увидеть что-нибудь.

Руны казались живыми, странными путями соприкасались друг с другом, образуя то, что казалось словами, которые скручивались и свертывались вокруг, как змеи. Затем змеи треснут, и руны соскользнут, прежде чем снова соединиться с другими, образуя цикл, который повторяется снова и снова.

Движущиеся руны образовывали разные формы и имели разные размеры, но как-то все они были сдержанными до одной области, двигаясь только по намеченным дорожкам, образуя то, что казалось кругом. В центре круга лежал мальчик. Его черные волосы и глаза были довольно обычные, как и его лицо. Единственное, что выходило из понятия нормы, так это было испуганное выражение, как будто он собирался заплакать.

Перед ним стоял высокий мужчина. Его хищные черные глаза пристально смотрели на мальчика у его ног, от волнения и безжалостности, что давало им жестокий блеск. Его волосы были такими же черными, как и его глаза, и достигли его плеч. Его лицо, казалось, было выточено, с острыми углами и некоторой красотой.

Мужчина встал на колени, достигая того же уровня глаз, что и мальчик. Его голос был безмятежным, когда он говорил. "Мне нужно, чтобы ты был храбр, сынок. Это будет больно, но ты не можешь уйти. Это нормально плакать и кричать, если хочешь, но никогда не выходи оттуда".

При этом мужчина повернулся к нему спиной и отошел от странного круга, состоявшего из рун. Он не пожалел взгляда на испуганное выражение своего сына, когда он начал отчаянно бороться, но, похоже, сдерживался самым воздухом.

Он стоял в углу комнаты, рядом с маленьким человеком, который молчал все это время. Лицо этого человека было скрыто за извивающимися тенями, что заставило его выглядеть угрожающе. Высокий мужчина кивнул ему, наблюдая за своим сыном неподвижными глазами.

Человек, спрятанный тенями, согнул колено и коснулся руками двух рун на полу. Он пронзительно посмотрел на испуганного мальчика в центре расположения глазами, полными жалости. Это сильно причинит боль. Он глубоко вздохнул, и странный пульс, казалось, тек через его руки, ударяя по рунам, которых он касался.

Две руны начали светиться ослепительным золотым светом, который в конце концов распространился по всем другим рунам на полу. Странный жужжащий звук издавался, как будто они резонировали.

Затем начался ад.

Амон резко проснулся. Он ощущал боль по всему телу, и он был пропитан холодным потом. Его одежда цеплялась за его тело, заставляя его чувствовать себя неудобно и сдержанным. Его тело было тяжелым, и ему казалось, что он не спал. Каждый раз это был тот же кошмар.

Он удрученно сбросил белые льняные простыни, накрывающие его. Он сел на кровать и медленно встал, чувствуя теплый деревянный пол под ногами. Он подошел к окну, сквозь

которого уже можно было увидеть трещины света, смутно освещающие его маленькую комнату.

Он открыл скрипучие окна из деревянных досок, и солнце приветствовало его, свисая наверху в ярком синем небе. Свет осветил его комнату.

Его кровать была близко к стене, постельные принадлежности окрашивались его потом. Маленький и аккуратный стол был в стене напротив него, с несколькими листами бумаги и ручкой, все еще находившись на нем. В центре комнаты лежал черный коврик. В другой стене Амон повесил простое зеркало и поставил под ним небольшой стол, где он обычно оставлял таз, наполненный водой, чтобы помыться утром.

Амон стоял перед зеркалом, вымыл лицо и ополоснул рот. Он все еще чувствовал усталость. Когда он посмотрел на зеркало, он увидел свое молодое лицо, обрамленное черными волосами, которые контрастировали с его странными золотыми глазами. Темные круги, вызванные его не очень хорошей ночью, окружали его золотые глаза, заставляя их казаться лампами в темноте.

Он провел пальцами по черным волосам, но почувствовал, что что-то не так. Он посмотрел на свою руку и увидел черное пятно, загрязняющее кожу.

Он не мог не вздохнуть. Вскоре ему придется купить новую партию черных орехов. Он тяжело провел рукой, но смог только немного стереть пятно. Сдавшись, Амон снял мокрую одежду и, используя полотенце, помыл свое тело водой в тазе. Он пнул сундук рядом с кроватью, чтобы он открылся и надел новый белый костюм.

Он вышел из своей комнаты, направляясь прямо к потрепанной кухне в своем доме. Он посмотрел на старый железный горшок в столешнице и увидел, что с прошлой ночи осталась еще какая-то рисовая каша. Он тщательно разогрел его и подал в маленькой миске.

Неся еду, он пришел в гостиную, если бы мог так ее назвать. Это был просто стол и несколько стульев в самой большой комнате в доме. Он подошел к деревянной двери, в которую он осторожно постучал дважды.

"Входите", - ответил слабый голос. Амон осторожно открыл дверь, забравшись в комнату матери. Окно у кровати было уже открыто, позволяя Амону ясно видеть комнату. Она была очень похожа на его собственную, но не было ни стола, ни коврика, была просто кровать, зеркало, маленький стол и сундук для хранения одежды.

"Мама, я принес немного еды". Амон медленно подошел к постели, осторожно положив чашу в руку матери и предложив ей ложку. Его мать ярко улыбнулась, прежде чем взять ложку из его руки.

Ее руки были немного сморщены, а руки были тонкие. Она едва держала миску сама. Ее светлые волосы были тонкие и хрупкие, их цвет выглядел скорее как песок, чем золотой блеск, который был раньше. Ее лицо было бледным, а щеки немного впали. Ее яркие глаза были туманными, не такими ясными, как раньше. Она выглядела на десятилетия старше своего фактического возраста.

"Ты на самом деле поел немного, верно?" - спросила она, волнуясь, показывая своим выражением лица. Ее голос был слабым, но ее тон был нежным, как всегда.

Амон неоднократно кивнул, чтобы уверить ее, прежде чем сменить тему. "Мне нужно будет обменять некоторые ставки взноса, нам нужно больше риса и овощей, и мне нужно больше

черных орехов".

Мать не могла не хихикать из-за его серьезного тона. Она поманила его, сказав ему подойти. Амон тихо сел рядом с ней на кровати. Мать начала осторожно взъерошивать его волосы. Амону очень понравилось приятное чувство. Он закрыл глаза, как ему понравилось.

Внезапно она слегка ткнулась ему в плечо. Амон открыл глаза и увидел ее, показывающую его руку, где можно увидеть слабое черное пятно. Он избегал ее взгляда, чувствуя себя немного постыдно.

"Почему бы тебе не забыть о черных орехах? Ты мог бы сэкономить несколько платежных поинтов, которые ты используешь на нем каждую неделю, и ты мог бы много использовать для себя через несколько месяцев". Когда она заговорила, она снова взъерошила волосы, бросив на него любовный взгляд.

"Мне они нужны, мама, мне ничего не нужно для себя, имея их, это достаточно для меня". Он все еще не смотрел на нее. Если бы он это сделал, он знал, что не сможет дискуссировать и сдаться.

Она снова начала его щекотать, на этот раз в живот, пытаясь заставить его рассмеяться над щекоткой.

"Мне уже тринадцать, не делай этого!"

"О, извините, господин, взрослый. Вы достаточно взрослый, чтобы отказаться от моих щекоток, но не настолько стары, что вы хотите, чтобы я перестала ерошить ваши волосы, не так ли?"

Амон ворчал над ее комментарием, прежде чем сдаться и взглянуть на нее. Она ткнула его нос, когда она улыбнулась. "Ты знаешь, что я люблю твои волосы, не так ли? И твои глаза, я нахожу их такими прекрасными. Ты действительно должен остановиться с черными орехами, Амон".

"Мне жаль, мама, но еще нет. Позволь мне продолжать покупать их еще немного, хорошо?" Он почувствовал себя удрученным, когда он заговорил, его плечи опустились, а его голова повисла низко.

«Вздых. Ладно, но ты должен пообещать мне прекратить это в течение следующего месяца, или я сойду с ума, хорошо?" Она тоже сдалась. Если бы она могла пойти на компромисс здесь, она могла бы дать ему обещание в долгосрочной перспективе. Тогда у него не было бы оправданий. Она протянула ему свой мизинец.

"Это обещание на мизинцах. Или ты слишком стар для этого?" Прежде чем он успел даже сказать, она отрезала ему путь восстановления. Амон мог только принять его поражение.

"Ладно, обещание на мизинцах". Он держал ее мизинец. Ее улыбка расширилась.

«Теперь иди, снаружи прекрасный день, и я не хочу, чтобы ты был в этом доме потратив весь день этого прекрасного солнца".

"Я ушел".

"Хорошего дня".

Амон встал и вышел из комнаты, но оставил дверь открытой. Его маме больше нравилось, когда ее дверь была открыта, она не чувствовала себя сдержанной. Даже с окном рядом с ней все, что она могла сделать, это мечтать снова выйти на улицу.

Амон вошел в гостиную, пробираясь к главной двери. Он остановился, направляя взгляд к стене справа от него. Станный меч висел на стене. Ножны были совершенно черными и выглядели как какое-то стекло. Тонкий одинарный клинок был слегка изогнутым, сделанным для рубки и нанесения раны и такого же черного цвета, как ножны. Меч не охраняли.

Амон не знал, повлияет ли это на владение мечом или баланс оружия, поскольку у него был странный дизайн, но отсутствие охранника показалось ему угрожающе даже в его ножнах. Это был меч, сделанный только с намерением убить, сосредоточившись на том, чтобы быть быстрым и агрессивным, отказываясь от обороны в обмен на эффективность убийства.

Амон никогда не держал меч рассматривая, даже менее обнаженный, но он видел, как его отец использовал его. Ворон, он назвал его. Даже если он проявлял к нему любопытство, у него не было никакой привязанности к оружию, просто ненависть. Если бы его мать не была так настойчива, оставив его там, он бы продал его с первого же случая.

Он почувствовал, что его настроение будет испорчено, поэтому он забыл о мече и вышел из дома. Как только он вышел, он увидел огромное море деревьев. Все они были невероятно высоки, их листья пышные.

Амон жил со своей матерью в северной окраине Секты Бездны, как член Внешней Секты. Штаб секты был в горах, жутко названный Адский Хранитель Горы. Она была массивной по масштабу, и окружающая земля была не только плодородной, но также не лишена ручейков и рек.

Члены Внешней Секты имели тенденцию к фермерским хозяйствам и животноводству и жили на уровне земли. Вся земля и животные принадлежали секте, поэтому люди работали только над сектой, когда они ей управляли. Они обменивались своей работой, чтобы получить платежные поинты, которые они могли бы использовать, чтобы купить почти все. От пищи и медицины до методики руководства и обработки пилюль, от занятий и руководства от специализированного учителя до нескольких часов в позорных красных помещениях.

Для аренды земли и жилья также необходимы платежные поинты. Чем ближе вы живете к Адскому Хранителю Горы, тем более дорогая аренда была и тем выше ваше положение в Наружной Секте. Даже если вы получили достаточно платежных поинтов, можно было купить свой путь во Внутреннюю Секту.

Если Наружная Секта была на уровне земли, Внутренняя Секта была в самой горе. Люди во Внутренней Секте жили только с одним беспокойством: совершенствование. Секта покрывала все свои повседневные потребности, и старейшины справлялись с любыми конкретными просьбами или проблемами, которые они могли бы иметь, пока это стоило проблемы. Подобно Наружной Секте, чем ближе к пику вы живете, тем выше ваше положение не только во Внутренней Секте, но и в Секты Бездны в целом.

Амон повернул на юг, глядя на массивную гору перед ним. Он не мог даже увидеть ее полную ширину, а тем более пик, спрятанный в белых облаках, которые крутились вокруг горы. Он чувствовал себя испуганным, просто глядя на нее, почти из-за ее огромных размеров.

Он медленно направился к горе, убедившись, что он наслаждается свежим воздухом и холодным ветром, который дул из леса в спину.

<http://tl.rulate.ru/book/15179/314075>